

я ни мало не сомнѣваюсь выразить эти идеи языкомъ увлекательнымъ, живописнымъ, пламеннымъ. Несмотря на мою апатическую жизнь, я уже ощущаю въ себѣ столько внутреннего жара, сколько нужно его для десяти такихъ сочиненій. Скоро примусь за статью о Пушкинѣ: это должно быть лучшею моею критическою статьею“...

„Если состоится (изданіе „Наблюдателя“ Кс. Полевымъ), то ты не узнаешь меня въ моихъ статьяхъ, именно потому, что я разувѣрилъся въ достоинствѣ отрицательной любви къ добру и чувствую въ себѣ больше снисходительности къ подлостямъ и глупостямъ литературной братіи, но зато и больше ревности доказывать противоположнымъ образомъ дѣйствованію истину. Не велика польза доказать, что Сенковский—..., а Библіотека—гадкій журналъ: публика это давно знаетъ, и подписывается на „Библіотеку“ не за то, что она гадкій журналъ, а за то, что нѣтъ лучшаго журнала; такъ гораздо лучше дать ей хороший журналъ, нежели бранить „Библіотеку“. Поэтому полемика рѣшительно изгоняется изъ нашего журнала. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы и правда изгонялась изъ него, но дѣло въ манерѣ и въ тонѣ; помнишь ли ты, какъ мило уничтожаетъ Гегель противниковъ истинной философіи, Круга и ему подобныхъ?—Онъ не сердится, не выходитъ изъ себя, не старается прибрать выразительнѣйшихъ браней, энергическихъ выраженій; онъ поступаетъ съ ними, какъ съ мухами—махнетъ рукой и этимъ движеніемъ убиваетъ ихъ гуртомъ, сотнями, нимало не гордясь своею побѣдою и нимало не жалѣя о неудачѣ. Но вотъ другой примѣръ, хотъ гадкій, но идущій къ дѣлу—это Сенковский; онъ не помѣщаетъ статей о другихъ журналахъ и разборовъ чужихъ мнѣній, но при случаѣ, къ слову, бьетъ ихъ славно. Это и мы возьмемъ за правило. Выходить книга, которая несправедливо разругана въ „Библіотекѣ“: мы ее похвалимъ, не браня „Библіотеки“, которая ее разбранила. Я имѣлъ несчастіе обратить на себя вниманіе правительства не тѣмъ, чтобы въ моихъ статьяхъ было что-нибудь противное его видамъ, но единственно рѣзкимъ тономъ, и это очень глупо; впередъ буду умнѣе“...

„... Я хочу писать тебѣ большое письмо о творествѣ. Я, было, на Кавказѣ растолковалъ его себѣ удовлетворительно и окончательно, но —

„О коль судьба упруга!“

...К—въ (Катковъ), стакнувшись съ... Его-ромъ Федоровичемъ¹⁾, разбилъ въ прахъ мою прекрасную теорію...“

„... Славный малый, онъ далеко пойдетъ, потому что уже теперь у него убѣжденія въ мирѣ съ жизнью. Голова свѣтлая, сердце чистое —вотъ Катковъ...“

„... Катковъ читаетъ эстетику Гегеля и въ восторгѣ отъ нея... Воткинъ переводитъ Марбаха и въ упоеніи отъ него“...

Къ К. С. Аксакову.

С. П. Б. 1840, Іюля 14.

Переписка наша, любезный Константинъ, производится довольно недѣлательно; но какъ ея живости мѣшаютъ обстоятельства, равно извѣствующія обоихъ насъ, то объ этомъ нечего и

говорить,—и вотъ тебѣ отвѣтъ на твое письмо, въ которомъ, по обыкновенію всѣхъ безалаберныхъ людей, не выставлено года и числа, но которое я получилъ уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Ты пишешь, что письмо мое удивило тебя искренностью тона, доказывающаго прямо-ту нашихъ отношеній, которыхъ (замѣчаешь ты) не должно смѣшивать съ дружбой. Скажу тебѣ на это, что меня очень удивило твое удивленіе, равно какъ и опасеніе, чтобы я обыкновенныхъ пріятельскихъ отношеній, скрѣпленныхъ взаимнымъ уваженіемъ и долго-временнымъ знакомствомъ, не смѣшивалъ съ дружбой. Въ самомъ дѣлѣ, то и другое довольно странно съ твоей стороны. Я всегда былъ съ тобою прямъ и искрененъ, даже гораздо больше иногда, нежели сколько позволяли сущность нашихъ отношеній и деликатность. Какъ бы ни любилъ я тебя, но я любилъ тебя для тебя, а не для себя, какъ пишешь. Сколько ни мало я заслуживаю уваженія и любви, но я слишкомъ привыкъ видѣть людей, добивавшихся моего знакомства и пріязни, и если эти люди сами по себѣ не были для меня интересны, мое самолюбіе молчало, а громко говорила моя нетерпимость. Во мнѣ много пороковъ, особенно мелкаго самолюбія, но сердце мое, право, лучше всего меня и никому не сдѣлало бы стыда.

Во всѣхъ отношеніяхъ съ людьми я искалъ любви и дружбы, и если передъ многими вывышался, то—какъ тебѣ извѣстно—передъ многими и умалился, возвышая ихъ на свой счетъ. Нѣтъ, если къ чему я всего менѣе способенъ, по натурѣ моей, такъ это къ поддержкѣ какихъ бы то ни было отношеній изъ расчетовъ самолюбія и всякихъ другихъ расчетовъ: тогда какъ если бы я былъ способенъ къ этому, то могъ бы выиграть слишкомъ много. Что же касается до тебя, ты больше нежели кто-нибудь другой не имѣлъ права на подобное подозрѣніе, потому что самая мои несправедливости (если онѣ были) и не деликатность (которая точно была) происходили изъ моего чересчуръ прямого и откровеннаго характера. Любезный Константинъ, перейти изъ безотчетной вѣры въ людей въ безотчетное сомнѣніе, значить сдѣлать большой шагъ къ сознанию, но въ смыслѣ момента—не больше. Дѣйствительнаго же пріобрѣтенія тутъ нѣтъ, это промѣнь О на О, и изъ $O+O=O$. Ты пишешь мнѣ о новыхъ своихъ друзьяхъ (о которыхъ я не могу сказать ни худого, ни добраго, исключая Д. Ш., ибо не знаю ихъ), пишешь, какъ тебѣ съ ними пріятно, но изъ всего тона письма твоего я вижу, что ты ихъ нисколько не любишь, и во всѣхъ твоихъ отношеніяхъ проглядываетъ горькая и мучающая тебя мысль: *не очаровываясь, и разочарованія не будетъ*. Равнымъ образомъ, еще не значить вырваться изъ *пустого кружка* (къ которому я за честь почитаю и теперь принадлежать) и совершенно забыть его, когда безпрестанно обращаешься къ нему, чтобы поносить его передъ человѣкомъ, который—какъ тебѣ извѣстно—принадлежитъ къ нему безраздѣльно и почитаетъ лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ, что дала ему жизнь. Въ переводѣ на здравый смыслъ, все это значить—*молодое-зелено*. Но я понимаю это, хотъ и стою далеко выше этого, и не виню тебя. Твоя врожденная деликатность не допуститъ, послѣ этого объясненія, говорить худо мнѣ о лучшихъ моихъ друзьяхъ, и ты можешь забыть объ этомъ, какъ забываю я, дописывая послѣднее слово этой страницы. Но я не думаю оскорбить тебя или выйти изъ границъ нашихъ отношеній, сказавши тебѣ, что тонъ твоего письма, какъ выра-

1) Такъ называли въ кружкѣ Гегеля.